

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга М. Корнфорта «Наука против идеализма» является переработанным вариантом уже известных советскому читателю ранее вышедших на русском языке книг автора — «Наука против идеализма» и «В защиту философии». Автор, учтя критику, значительно улучшил эти свои труды. Сокращены имевшиеся в первом издании длинноты, устранен второстепенный материал, уточнена аргументация, дана более основательная критика современных идеалистических течений, исправлены отдельные неточности в изложении марксистской философии.

Острые издаваемой книги М. Корнфорта направлено против современных форм позитивизма («логического позитивизма», «логического анализа», «семантической философии», прагматизма). Борьба против позитивизма по-прежнему является боевым долгом представителей марксистско-ленинской философии.

Внешняя политика СССР руководствуется ленинским принципом мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Проведение в жизнь такой политики не исключает, а предполагает борьбу различных идеологий. Сосуществование — это мирное соревнование социализма и капитализма в области экономики и борьба идей, воодушевляющих строителей социализма, с буржуазными идеями. Нападки на научный социализм, на СССР, на страны народной демократии, сбросившие капиталистические оковы, на коммунистическую политику и идеологию, на философию марксизма-ленинизма характерны для буржуазной прессы, радио, кино, школьного и университетского преподавания.

Все это имеет цель не только оправдать всевозможные и безуспешные «реконверсии коммунизма», но

и воспрепятствовать все возрастающей среди трудящихся капиталистических стран тяге к социализму, к марксизму-ленинизму.

Было бы неправильно не замечать или преуменьшать значение этой работы по одурманиванию сознания народных масс. Борьба против буржуазной идеологии, всесторонняя пропаганда и дальнейшее развитие великих идей марксистско-ленинской теории являются нашей важнейшей задачей.

В буржуазной идеологии не последнее место принадлежит идеалистической философии. И своими гносеологическими, и своими социологическими идеями современная идеалистическая философия в целом служит делу империалистической реакции. Среди буржуазных философов имеются, конечно, люди, которые не являются реакционерами. Одни из них участвуют в народном движении за мир, другие осуждают колониализм и агрессию, третьи выступают как антифашисты. Это обстоятельство необходимо учитывать при оценке того или иного буржуазного философа. Однако оно не может изменить объективной классовой роли, проповедуемой философом идеалистической философии. Какими бы «благими» намерениями ни руководствовались философы, проповедующие ту или иную разновидность идеализма, общественное значение, классовая роль идеализма в современном обществе вполне определена: идеализм служит буржуазному обществу, он дает извращенное понимание действительности, что выгодно империалистической реакции.

Во введении к своей книге М. Карнфорт указывает на своеобразную черту современного позитивизма, на его пристрастие к специальной терминологии, символике, замкнутым построениям. Автор говорит об отрыве буржуазной философии от народа, о ее узко специализированном характере. Вообще говоря, было бы неплохо, если бы современная буржуазная философия замкнулась в узком кругу буржуазных философов-специалистов и не получала более или менее широкого распространения. Но в действительности дело обстоит не так. Вся эта «специализированность» логического позитивизма, являясь прикрытием бедности содержания и старого-престарого существа

его субъективно-идеалистических взглядов, служит определенной цели — создать впечатление о якобы научном, глубокомысленном, «современном» характере этой философии.

Между буржуазными философами имеется своеобразное разделение труда. Одни из них создают внешне новые концепции идеалистической философии, излагая их «техническим» философским языком. Другие популяризуют и разъясняют «открытия» лидеров современной буржуазной философии, создают им авторитет в кругах интеллигенции. Да и некоторые из ведущих деятелей буржуазной философии высказываются за доступное широкой публике изложение своих философских воззрений. Например, в «Человеческом познании» Бертрана Рассела мы находим следующие строки: «...я считаю печальным недоразумением то обстоятельство, что в продолжение последних приблизительно ста шестидесяти лет философия рассматривалась как почти такая же наука, со своим специальным аппаратом, как и математика. Необходимо признать, что логика так же специальна, как и математика, но я полагаю, что логика не является частью философии. Собственно философия занимается предметами, представляющими интерес для широкой образованной публики, и теряет очень много, если только узкий круг профессионалов способен понимать то, что она говорит»¹.

Нельзя не согласиться с Расселом в том, что философскими вопросами интересуются широкие слои народа и что изложение философии должно быть доступно людям, не получившим специального философского образования. Но при этом надо стремиться к тому, чтобы распространяемая в массах философия служила прояснению сознания людей, формированию у них научного мировоззрения, чтобы она вооружала их в борьбе за достойный человека общественный строй, за социализм.

Проповедуемая Расселом философия логического позитивизма служит противоположным целям. Она не является фактором просвещения народа, знаменем в борьбе за коренные социальные преобразования. Эта философия — подновленное издание субъективного идеализма и агностицизма,

¹ B. Russell, Human Knowledge, p. 5.

реакционная роль которых давно уже раскрыта в марксистской литературе.

Современные позитивисты стремятся выдвинуть новые аргументы в защиту субъективного идеализма и агностицизма и предпринимают попытки найти в рамках идеализма такую область философского исследования, подвизаясь в которой позитивисты могли бы представить свою деятельность как продуктивную для естествознания и общественных наук.

В связи с этим имеет важное значение выяснение вопроса о том, как понимают позитивисты предмет философии.

Известно, что основным вопросом всякой философии является вопрос об отношении мышления к бытию. От решения этого вопроса зависит весь характер развиваемого философом мировоззрения, главное направление в решении им всех других философских вопросов. Эта проблема отношения между духом и материей во все времена входила как важнейшая составная часть в предмет философии — и материалистической, и идеалистической.

«Оригинальность» в понимании предмета философии современными позитивистами состоит прежде всего в том, что они всячески отрешаются от этого основного вопроса. Одни из них (например, Карнап и Витгенштейн) прямо объявляют его псевдovoпросом, который не должен занимать философа, стоящего на почве позитивного знания. Всякая попытка рассматривать отношения между внешним миром и сознанием человека квалифицируется этими позитивистами как «метафизика», как попытка проникнуть в область «сверхчувственного». Другие извращают понятие «существование вне человека», понятие материи; вопрос об отношении материи и духа рассматривается ими как вопрос об отношении различных частей субъективного опыта.

Так, Бертран Рассел утверждает, что «объекты восприятия, которые я считаю «внешними» по отношению ко мне, как например окрашенные поверхности, которые я вижу, являются «внешними» только в моем индивидуальном пространстве, которое исчезает с моей смертью; в самом деле, мое индивидуальное видимое пространство перестает

существовать всякий раз, когда я оказываюсь в темноте или закрываю глаза. И они (объекты восприятия. — В. М.) не являются «внешними» по отношению ко «мне», если «я» обозначает совокупность моих психических событий; наоборот, они пребывают среди тех психических событий, из которых состоит мое «я». Они являются внешними только по отношению к некоторым другим моим восприятиям, именно к тем, которые здравый смысл рассматривает как восприятия моего тела»¹.

Так объясняет Рассел понятие «существование вне человека». Всякий человек, мышление которого не заражено идеализмом, считает объекты восприятия существующими вне сознания человека. Рассел презрительно отзывается о таком взгляде как «наивном реализме», он «доказывает», что воспринимаемый объект и восприятие объекта — явления одного порядка, что они принадлежат к области духа. Идеалисты всегда стремились так или иначе затушевать вопрос о существовании предметов вне сознания человека. В.И. Ленин подметил такую тенденцию у Гегеля. Излагая философские взгляды Аристотеля в своей «Истории философии», Гегель, например, всячески стремился скрыть или идеалистически интерпретировать те места из произведений Аристотеля, где великий мыслитель древности говорил о существовании внешнего по отношению к сознанию источника ощущений. «Все *скрадено*, — с возмущением восклицал В.И. Ленин, — что говорит (Аристотель. — В. М.) против идеализма Платона по существу!! Особенно скраден вопрос о существовании *вне* человека и человечества!!! = вопрос о материализме!»² Рассел делает шаг «вперед» по сравнению с другими идеалистами: он не пытается избежать понятия «существование вне человека», но зато так истолковывает это понятие, что от его действительного содержания ничего не остается: «существование во вне» выступает в виде одной из характеристик состояний внутри субъекта — происходящих в нем «духовных событий».

¹ B. Russell, Human Knowledge, p. 241.

² В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 266.

При такой игре понятиями внешний мир оказывается устраненным. С «устранением» же внешнего мира и пространство становится «личным», то есть из формы существования материи оно превращается усилиями Рассела в отношение духовных элементов¹.

Внешний мир, объективная реальность — это то, что в философии называется материей. Идеалистически извратив понятие существования вне человека, Рассел искажает и понятие материи. «Я думаю, — пишет он, — что и дух и материя есть просто удобные способы группировки событий»².

Известно, что материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, существующей независимо от ощущений и понятий человека. Еще в начале XVIII века соотечественник Рассела субъективный идеалист епископ Дж. Беркли яростно нападал на понятие материи именно потому, что материалисты выражали этим понятием не зависимое от сознания существование природы. Надо думать, что это действительное содержание понятия материи известно и Расселу. Однако он не решается, как и прочие позитивисты, открыто и прямо выступить против этого принятого наукой и философией понятия.

Он пытается скрытно нанести удар материализму посредством искажения основного материалистического понятия — понятия материи. В его изображении понятие материи ничего не отражает, а является лишь инструментом для удобной группировки некоторой части событий и как таковое совпадает в этой своей функции с понятием духа. Таким образом, понятие материи в изображении Рассела приобретает явно идеалистический смысл. И материальные и духовные события, по Расселу, происходят в сфере сознания, и их различие состоит исключительно в том, что «духовные» события непосредственно

¹ Рассел различает «пространство восприятия» и «физическое пространство», но это различие проводится им в рамках идеалистического понимания пространства вообще. «Физическое пространство, — по заявлению Рассела, — состоит из логически выведенных отношений между логически выведенными физическими вещами» (B. Russell, *Human Knowledge*, p. 225).

² B. Russell, *History of Western Philosophy*, p. 833.

в восприятиях людей (все, что мы знаем без вывода, является психическим»¹), тогда как «материальные» события выводятся логически и логически осознаются.

«Различие между «психическим» и «физическим» поэтому, — заключает Рассел, — относится к теории познания, но не к метафизике².

Принадлежать к теории познания означает у него, как и у остальных позитивистов, принадлежать к сфере сознания. С точки зрения позитивистов, теория познания занимается лишь восприятиями и мыслями, но ни в коем случае не объективным миром и отношением к нему наших идей; любая постановка вопроса об объективном, вне человека и человечества существующем мире объявляется «метафизической», то есть ненаучной.

Позитивисты называют «метафизикой» не только материалистическое признание внешнего мира и отражение его в мозгу человека, но и откровенную и прямую идеалистическую постановку вопроса о первичности мира идей по отношению к миру вещей. «Метафизика служит для них в качестве жупела, которым они пытаются запугать материалистически мыслящих или склоняющихся к материализму естествоиспытателей. А. Эйнштейн справедливо однажды заметил, что благодаря деятельности современных юмистов распространился «роковой страх перед метафизикой»³.

Отвергая гносеологическое противопоставление матери и сознания, позитивисты изображают свою философию стоящей выше «крайностей» материализма и идеализма,

¹ B. Russell, *Human Knowledge*, p. 240.

² Там же, стр. 224.

³ A. Einstein, *Remarks on Bertran Russell's Theory of Knowledge*. См. сб. «*The Philosophy of Bertran Russell*», 1944, p. 284.

М. Корнфорт в своей книге посвящает специальный параграф (гл. 15, § 1) разъяснению истории термина «метафизика» и того смысла, который вкладывается в него марксизмом. К сожалению, автор в предшествующем этому параграфу и в последующем изложении употребляет термин «метафизика» то в марксистском смысле, то есть как обозначение антиидеологии, то в том значении, которое придают ему позитивисты, причем читателю не всегда ясно, какой из этих двух смыслов автор вкладывает в данный термин в том и другом случае.

занимающей якобы нейтральную позицию в борьбе между этими основными лагерями в философии.

«Я не могу согласиться с философией Маркса, — писал Рассел, — еще менее с философией Ленина, изложенной в книге «Материализм и эмпириокритицизм». *Я не материалист, хотя я точно так же удален от идеализма*»¹. Эту свою позицию Рассел склонен называть «нейтральным монизмом»².

Характерно, что эту «нейтралистскую» тенденцию своей философии Рассел, Карнап и другие современные позитивисты пытаются подкрепить выводами новейшего естествознания, в особенности физики. Физика наших дней все более проникает в микромир, где исследует частицы вещества, обладающие одновременно корпускулярными и волновыми свойствами, в сфере ее исследования все более важное значение приобретает изучение электромагнитного, гравитационного и ядерного полей и взаимного превращения вещества в поле и обратно. Квантовая механика установила и исследует все более точно специфические закономерности микроявлений, глубоко отличные от закономерностей макромира. Современная физика добилась поразительных практических результатов по извлечению внутриядерной энергии колоссальной мощности.

Все эти и многие другие достижения физики, свидетельствующие о многообразии форм движущейся материи и ее единстве, по мнению логических позитивистов, говорят якобы о том, что материальные объекты в изображении квантовой механики и теории относительности все более приближаются к духовным, все более дематериализуются. Таков смысл следующих заявлений Б. Рассела: «Важнейшим моментом для философов в современной теории является исчезновение материи как «вещи». Материя заменена излучением из окружающей среды — видом действия, которое характерно для появления призрака в рассказах о привидениях»³. И еще: «В то время как физика

¹ B. Russell, Why I am not a Communist. См. сб. «The Meaning of Marx», 1934, p. 83. (Подчеркнуто мною. — В. М.)

² B. Russell, History of Western Philosophy, p. 883.

³ B. Russell, An Outline of Philosophy, 1927, p. 106.

сделала материю менее материальной, психология сделала дух менее духовным»¹.

Всякому, кто знаком с основными понятиями материалистической философии, очевидна вздорность подобных заявлений. Материальными называются те явления, которые находятся вне сознания людей и существуют независимо от него. И поэтому, какие бы неожиданные, необычные и «тонкие» свойства у материальных явлений ни обнаруживала физическая наука, они ни на йоту не перестают быть материальными; равным образом, каких бы успехов ни достигала психология в объяснении материальной основы психических явлений, последние не перестают быть психическими, идеальным отражением в мозгу человека внешнего мира.

Рассел, как мы видим, сравнивает материальные явления, описываемые атомной физикой, с появлением призраков в рассказах о привидениях; и это не случайное сравнение: он стремится сблизить объективные материальные явления с плодами болезненной фантазии различного рода мистиков, окутать реальную действительность мистическим туманом. Реакционный характер подобных высказываний, которые тотчас же утилизируются теологами, не подлежит сомнению.

Рассел изображает смешение материального и идеального в своей философии как преодоление того разрыва между ними, который совершает религия. На самом же деле это смешение укрепляет позиции религии.

«Нейтральность» позитивистов в борьбе материализма с идеализмом, науки с религией оказывается на деле защитой идеалистической концепции. Вся действительность оказывается у позитивистов в конце концов заключенной в сознании человека, все материальное — сведенным к идеальному.

Несмотря на «нейтралистские» тенденции современных позитивистов, весь огонь своей критики они направляют против материализма и лишь для вида замахиваются иногда на откровенный идеализм.

Как ни пытались непозитивисты отмахнуться от основного вопроса философии — об отношении мышления

¹ B. Russell, History of Western Philosophy, p. 833.

к бытию, они были вынуждены на него отвечать, и их ответ на этот вопрос дает все основания отнести их к лагерю идеалистов.

Пример позитивистов еще и еще раз показывает, что в философии невозможно обойти основной вопрос философии, что даже в том случае, когда философ прямо объявляет данную проблему лишенной смысла, он, хотя и замаскированно, обязательно определяет свою гносеологическую позицию.

Позитивисты утверждают, что положения, которые высказываются людьми на основании обыденного опыта, и положения науки в общем правильны, но недостаточно логически ясны. Задача философии, по мнению позитивистов, и заключается в том, чтобы проанализировать эти положения и поднять их «на более высокую ступень ясности». При этом философия, заявляют они, не открывает никаких новых истин, она служит лишь методом достижения большей ясности положительного знания.

Итак, философия не изучает процесс познания человеком материальной действительности, не дает общей картины мира, не разрабатывает метода подхода к объективным явлениям; она, оказывается, должна быть просто совокупностью технических приемов для анализа мыслительного материала, полученного «здравым смыслом» и естествознанием.

Естествоиспытатели буржуазных стран больше всего нуждаются в ясном диалектико-материалистическом мировоззрении, в диалектико-материалистической трактовке проблем теории познания. Позитивисты же преподносят им такие философские идеи и такое понимание предмета философии, которые не только не помогают естествоиспытателям сделать правильные философские выводы из новейших открытий в обстановке революционной ломки понятий во всех областях науки, но запутывают и дезориентируют их.

Сведение позитивистами предмета философии к «анализу науки» (языка науки) облегчает им изобретение схоластических схем и приемов «анализа», а постоянные «перестройки» ими своих взглядов создают впечатление о быстром прогрессе неопозитивистской философии. «Перестройки» и «дополнения» логических позитивистов в действительности

являются попытками найти сколько-нибудь прочную опору позитивистской идеалистической конструкции. Эти попытки напоминают движения человека, находящегося среди болота и стремящегося нащупать какую-нибудь кочку, на которой можно было бы удержаться на поверхности.

Например, Р. Карнап в 30-х годах настойчиво доказывал, что «анализ науки» должен быть сведен к анализу языка науки с точки зрения его «логического синтаксиса». В своей работе «*Logical Syntax of Language*» («Логический синтаксис языка», 1937) он утверждал, что «философия есть логика науки», а «логика науки есть синтаксис языка», представляющий совокупность правил «число формального» анализа языка науки. Последний же не принимает во внимание значение слов и смысл предложений.

В дальнейшем Р. Карнап, «развивая» свою философию, дополняет ее так называемой «семантикой», которая подвергает «логическому анализу» значение слов и смысл предложений. «Синтаксис» и «семантика» объявляются ветвями общей дисциплины, изучающей знаки и язык науки, — «семиотики». «Семиотика» включает в себя также «прагматику» (занимающуюся вопросами использования человеком знаков, слов и предложений в процессе речи). Теперь цель философии стала формулироваться несколько иначе: «Задачей философии является семиотический анализ»¹. По мнению Карнапа, проблемы философии не имеют отношения к конечным основаниям бытия, а связаны с семиотической структурой языка.

Обращение Р. Карнапа к смыслу научного языка не означало, разумеется, какого-либо прогрессивного изменения в его взглядах. Оно вызвано стремлением как-то укрепить «логический позитивизм», опровергаемый материалистами и критикуемый конкурирующими с «логическим позитивизмом» другими школами современного идеализма. Теория «логического синтаксиса» не давала, например, ответа на вопрос о природе логической истины или на вопрос о природе логической дедукции. «Семантика» была призвана ответить на них. Но можно ли научно ответить на подобные вопросы,

¹ R. Carnap, *Introduction to Semantix*, p. 250.

оставаясь на позициях субъективизма и агностицизма? Разумеется, нет.

Научный ответ о природе истины можно дать лишь признавая существование внешнего мира и отражения его в голове человека, а понять действительную основу логического дедуцирования можно лишь рассматривая его как умственное воспроизведение объективных связей и взаимозависимостей реальных предметов и явлений.

Вот почему в «Семантике» Карнапа вместо раскрытия подлинной природы истины или дедукции приводятся всевозможные схоластические различения, которые ничего не разъясняют. Так, например, нам предлагают различать «условия истины» (truth-condition) и «ценностную истинность» (truth-values), «эмпирическую истину» (factual truth) и «логическую истинность» (L-truth), истину в «семантической системе» и истину в «синтаксической системе» и т. п. Но что стоят все эти «различения», если упускается основное — рассмотрение истины как объективно верного отражения внешнего мира!

Среди «семантиков» есть группа, представители которой (А. Коржибский, Стюарт Чейз, Хаякава и др.) направляют главные свои усилия на развенчание научных абстракций, отражающих общие существенные стороны материальной действительности, закономерности ее существования и развития. «Семантический анализ» призван показать, что абстракции ничего не отражают, что нет объективно общего, а есть лишь восприятия единичных объектов, событий, совокупности которых мы условно обозначаем тем или иным словом. Абстрагирование есть не способ отражения чего-либо действительного, внушают читателю семантики, а известный умственный прием группировки единичных восприятий. Подобные положения возвращают «семантическую» философию к средневековому номинализму, только без его материалистической тенденции.

Отрицание «семантиками» содержательности и объективности научных абстракций имеет определенное классовое назначение; оно используется прежде всего для того, чтобы изобразить лишенными реального содержания те понятия, которыми пользуются трудящиеся в своей борьбе за освобождение от ига капитализма и колониализма. Такие понятия, как «класс эксплуататоров-капиталистов», «класс

эксплуатируемого пролетариата», «колонизаторы», «агрессоры», «фашизм» и т. п., объявляются семантиками бессодержательными словами, не выражающими никакие общественные отношения и явления. Борьба против основ капитализма, против империалистической агрессии и колониального гнета, объявляется семантиками лишенной каких-либо серьезных оснований и вызванной отсутствием «семантической» культуры, продуктом неразумного пользования языком.

Вряд ли кто-либо из хозяев капиталистических монополий и буржуазных политиков серьезно верит этому семантическому бреду (хотя для них было бы очень приятно думать, что классовая борьба имеет такое эфемерное основание, каким его изображают «семантики»). Однако они всемерно поддерживают «семантическую» пропаганду, поскольку рассчитывают при помощи нее в какой-то степени внести сумятицу в умы некоторой части трудящихся и способствовать распространению в рабочем движении оппортунистических взглядов.

Нападки на мышление, на абстракции не могут встретить поддержки со стороны массы естествоиспытателей. Современная наука в несравненно большей степени нуждается в абстракциях, чем наука XIX и начала XX века. Понятны поэтому те протесты против проповедуемого позитивистами голого эмпиризма, которые раздаются со стороны части ученых.

Этот протест виден, например, в упоминавшейся уже нами статье А. Эйнштейна («Remarks of Bertran Russell's Theory of Knowledge»). В работе «Эволюция физики», написанной совместно с Л. Инфельдом, А. Эйнштейн, говоря о развитии теории относительности, писал: «Новые трудности, возникающие в процессе развития науки, вынуждают нашу теорию становиться все более и более абстрактной»¹. К сожалению, Эйнштейн не смог правильно поставить вопрос о соотношении чувственного и рационального в процессе познания.

М. Корнфорт в своей книге подвергает обстоятельной марксистской критике все основные вариации современного позитивизма, показывает его реакционность

¹ А. Эйнштейн и Л. Инфельд, Эволюция физики, Гостехиздат, 1956, стр. 209.

и вскрывает причины и последствия искаженного изображения предмета философии.

Позитивистскому агностическому ограничению философии узкими рамками бесплодного «анализа» научного языка, вне какой-либо связи с внешним миром, Корнфорт противопоставляет взгляд на философию как «наши самые общие взгляды на природу мира и на место в нем человека, то есть наше мировоззрение (стр. 31 настоящего издания).

Позитивистской философии Корнфорт противопоставляет диалектический материализм — подлинно научную философию, учение о всеобщих законах развития природы и мышления.

Автор ярко обрисовывает великую просветительную и организующую роль марксистско-ленинской философии в отношении рабочего класса и всех руководимых им трудящихся масс, показывает ее громадное значение для борьбы за социализм; он настойчиво подчеркивает ленинскую мысль о том, что, только встав на почву диалектического материализма — единственной современной научной философии, — естествоиспытатели получают прочную основу для решения всех теоретических проблем своей науки и выйдут из того тупика, в которой заводит науку идеализм.

* * *

Некоторые зарубежные авторы ставят в заслугу логическому позитивизму, как философскому течению, разработку проблем математической логики. Действительно, на первый взгляд это кажется так: ряд видных неопозитивистов внесли серьезный вклад в математическую логику и в разработку отдельных вопросов формальной логики. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что логический анализ, как определенная теоретико-познавательная установка, не играл и не мог сыграть положительной роли в логико-математических исследованиях. Наоборот, субъективный идеализм и агностицизм позитивистов, разрабатывающих вопросы математической логики, оказали вредное влияние на результаты логических исследований.

Математическая логика зародилась в XVII веке в трудах немецкого философа Лейбница. В дальнейшем, главным